

Предисловие

В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий. Поэтому, невзирая на трудность и неполноту работы в беженской обстановке – без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, я решил издать свои очерки. В первой книге говорится главным образом о русской армии, с которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политические, социальные, экономические затронуты лишь в той мере, в какой необходимо очертить их влияние на ход борьбы.

Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни. И не только в борьбе с нынешними поработителями страны. После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия.

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и в разуме.

А. Деникин,

Брюссель, 1921 г.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. «ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ АРМИИ»: ИСТОРИЯ «ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ СОЛДАТА»

Князь Львов: «Мы выслушали слово главнокомандующих, понимаем все сказанное и исполним свой долг, во имя родины, до конца».

Церетели: «Тут нет никого, кто способствовал бы разложению армии, кто играл бы в руку Вильгельма. Я слышал упрек, что Совет способствовал разложению армии. Между тем все признают, что если у кого в настоящее время и есть авторитет, то только у Совета. Что было бы, если бы его не было? К счастью, демократия помогла делу, и у нас есть вера в спасение. Как идти вам? У вас могут быть два пути: один – отвергнуть политику Совета, но тогда у вас не будет никакого источника власти, чтобы собрать армию и направить ее для спасения Родины; другой путь – это путь верный, испытанный нами, путь единения с народными желаниями и чаяниями. Если командный состав не объяснил ясно, что вся сила армии, поставленной для защиты страны, в наступлении, то нет такой магической палочки, которая могла бы это сделать.

Говорят, что лозунг «без аннексий и контрибуций» внес разложение в армию, в массы. Возможно, что он был понят неправильно, но надо было разъяснить, что это – конечная цель; отказаться же от этого лозунга нельзя. Мы сами сознаем, что Родина в опасности, но защита ее – дело всего русского народа.

Власть должна быть единой и пользоваться доверием, но путь для этого разрыв со старой политикой. Единение может быть основано только на доверии, которого ничем

нельзя купить. Идеалы Совета не есть идеалы отдельных кучек; это идеалы всей страны; отказаться от них, значит отказаться от всей страны.

Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и ее надо было организовать.

Масса солдат хочет продолжать войну. Те, кто не хотят этого, неправы, и я не хочу думать, чтобы не хотели они из-за трусости. Это результат недоверия. Дисциплина должна быть. Но если солдат поймет, что вы не боретесь против демократии, то он поверит вам. Этим путем можно спасти армию. Этим путем Совет укрепил свой авторитет. Есть только один путь спасения – путь доверия и демократизации страны и армии. Совет заслужил доверие этим путем, и имеет теперь возможность проводить свои взгляды, и пока это так, еще не все потеряно. Укрепляйте же доверие к совету!»

Генерал Алексеев: «Не думайте, что 5 человек, которые говорили здесь, не присоединились к революции. Мы искренно присоединились и зовем вас к совместной работе. Я сказал – посылайте к нам лучших людей, пусть они работают вместе с нами. Мои слова звучали горечью, но не упреком. Не упреки, а призыв я посылаю вам».

Скобелев: «Мы пришли сюда не для того, чтобы слушать упреки. Что происходит в армии, мы знаем. То положение, которое вы описали, действительно внушает тревогу. Достигнуть при всем этом конечных целей, выйти с честью из создавшегося положения, будет зависеть от величия духа русского народа.

Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились, что основания для этого были. Необходимо сказать правду: мероприятия командного состава привели к тому, что за 2 месяца армия не уразумела происшедшего переворота.

Мы понимаем, что вам нелегко. Но когда нам говорят – прекратите революцию, то мы должны ответить, что революция не может начинаться и прекращаться по приказу.

Революция может войти в свое нормальное русло, когда мозговой процесс революции, как верно здесь было определено, охватит всю Россию, когда ее уразумеют 70% неграмотных. Мы отнюдь не домогаемся выборного командного состава.

Мы согласны с вами, что у нас есть власть, что мы сумели ее заполучить. Но когда вы поймете задачи революции, и дадите уразуметь народу объявленные лозунги, то получите ее и вы. Народ должен знать, для чего он воюет. Вы ведете армию, чтобы разгромить врага, и вы должны разъяснить, что стратегическое наступление необходимо для осуществления заявленных принципов. Мы возлагаем надежды на нового военного министра и надеемся, что министр-революционер продолжит нашу работу и ускорит мозговой процесс революции, в тех головах, в которых он протекает слишком медленно».

Военный министр Керенский: «Я должен сказать присутствующим, как министр и как член правительства, что мы стремимся спасти страну и восстановить активность и боеспособность русской армии. Ответственность мы берем на себя, но получаем и право вести армию, и указывать ей путь дальнейшего развития.

Тут никто никого не упрекал. Каждый говорил, что он перечувствовал. Каждый искал причину происходящих явлений. Но наши цели и стремления – одни и те же. Временное правительство признает огромную роль и организационную работу Совета солдатских и рабочих депутатов, иначе я не был бы военным министром. Никто не может бросить упрек этому Совету. Но никто не может упрекать и командный состав, так как офицерский состав вынес тяжесть революции на своих плечах так же, как и весь русский народ. Все поняли момент. Теперь, когда мои товарищи входят в правительство, легче выполнить то, к чему мы совместно идем. Теперь одно дело – спасти нашу свободу. Прошу ехать на ваши посты и помнить, что за вами и за армией – вся Россия. Наша задача – освободить страну до конца. Но этот конец сам не придет, если мы не покажем всему миру, что мы сильны своей силой и духом».

Генерал Гурко: «Мы с вами (возражение Скобелеву и Церетелли) рассуждаем в разных плоскостях. Главное, основное условие существования армии – дисциплина. Мерило стойкости части – это тот процент потерь, который она может понести, не теряя боеспособности. Я 8 месяцев пробыл в южноафриканских республиках и видел там части двух родов: 1) небольшие, дисциплинированные, и 2) добровольческие, недисциплинированные. И вот в то время как первые при потерях даже до 50%, продолжали вести бой и не теряли боеспособности, вторые несмотря на то, что составлены были из добровольцев, отдававших себе отчет, за что они сражаются, уже

после 10% потерь оставляли ряды и бросали поле битвы; и не было силы, которая могла бы заставить их драться. Вот разница между войсками дисциплинированными, и недисциплинированными. Мы просим дать дисциплину. Мы все делаем и убеждаем. Но необходим и ваш авторитетный голос. Надо помнить, что если противник перейдет в наступление, то мы рассыплемся, как карточный дом. Если вы не откажетесь от революционирования армии, то возьмите сами власть в свои руки».

Князь Львов: «Цели у нас одни и те же, и каждый выполнит свой долг до конца. Позвольте поблагодарить вас, что вы приехали и поделились с нами».

* * *

Заседание окончилось. Главнокомандующие разъехались по фронтам, унося с собою ясное сознание в том, что последняя ставка проиграна. Вместе с тем, с того же дня началась травля советскими ораторами и печатью генералов Алексеева, Гурко и Драгомирова, предпринимавшая оставление ими армии.

9 мая, как я уже говорил, Керенский, отдав предварительно приказ о недопущении ухода со своих постов старших начальников «из желания уклониться от ответственности», утвердил «декларацию».

Какое же впечатление произвело опубликование этого рокового акта?

Керенский впоследствии оправдывался тем, что закон был составлен до принятия им поста военного министра, и одобрен как Исполнительным комитетом, так и «военными авторитетами», и он не имел никакого основания не утверждать его; словом, был вынужден сделать это. Но я помню не одну из речей Керенского, когда он, считая свой путь наиболее верным, гордился своею смелостью, выразившейся в издании закона, «который не осмелился подписать Гучков», закона, против которого протестовал весь командный состав.

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов 13 мая отозвался на

декларацию восторженным воззванием, в котором убогая мысль остановилась исключительно на вопросе об отдании чести: «... два месяца мы ждали этого дня... Теперь солдат стал гражданином по закону... Отныне солдат-гражданин освобожден от рабского отдания чести, и как равный, свободный, будет приветствовать того, кого желает... Дисциплина в революционной армии будет существовать народным энтузиазмом... а не обязательным отданием чести»...

Люди с таким кругозором взялись перестраивать армию!

Впрочем, большинство революционной демократии советов не удовлетворилось декларацией. Ее называли «новым закрепощением солдата». Началась устная и печатная борьба за дальнейшее расширение солдатских прав. Всероссийский съезд советов признал, что приказ, дав прочную основу для демократизации армии, не подтвердил, однако, еще многих существенных прав солдата-гражданина. Докладчики оборонческого блока требовали отвода и аттестации командного состава войсковыми комитетами, свободы слова и в служебное время, а главное отмены 14-го пункта декларации, предоставляющего начальнику применять, в боевой обстановке оружие против подчиненных, не исполняющих приказание... Об отрицательном отношении к закону левого, пораженческого сектора совета и съезда, не приходится уж и говорить.

Либеральная печать, не вникнув в значение закона, отнеслась к нему совершенно несерьезно. А кадетский официоз отозвался даже статьей, в которой выражалось живейшее удовлетворение тем, что декларация «дает каждому солдату возможность участвовать в политической жизни страны, раскрепощает его окончательно от оков старого режима, выводит из затхлой атмосферы прежней казармы на свежий воздух свободы...». Что «армии всех стран мира стоят вдали от политической жизни, тогда как русская армия становится первой армией, живущей всей полнотой политических прав!..». Даже «Новое Время» писало в передовой статье: «Знаменательный день! Сегодня великая армия могучей России стала действительно армией революции!.. Отношения воинов всех степеней отныне слагаются на общей основе – сознании долга, равно обязательном для каждого гражданина. И революционная армия обновленной России пойдет на великое испытание кровью – с верой в победу и мир».

Как трудно было бороться за сохранение армии командному составу, встречавшему даже в кругах, которые считались оплотом попираемой русской государственности, такое грубое непонимание основных начал существования армии!..

Начальники еще ниже опустили головы.

А армия... с удвоенной быстротой покати́лась в пропасть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. «ПЕЧАТЬ И ПРОПАГАНДА ИЗВНЕ»

Наряду с аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники, в последней мировой войне появилось новое могучее средство борьбы – пропаганда. Собственно говоря, оно не совсем новое, ибо еще в 1826 году в заседании английской палаты депутатов министр Каннинг говорил: «Если нам придется участвовать когда-либо в войне, мы соберем под наши знамена всех мятежных, всех основательно или без причины недовольных в каждой стране, которая пойдет против нас». Но теперь это средство достигло необычайного развития, напряжения и организованности, поражая наиболее болезненные и восприимчивые места народной психики. Широко поставленные технически, снабженные огромными средствами органы пропаганды Англии, Франции и Америки, в особенности Англии, вели страшную борьбу словом, печатью, фильмами и... валютой, распространяя эту борьбу на территории вражеские, союзнические и нейтральные, внося ее в области: военную, политическую, моральную и экономическую. Тем более что Германия в особенности давала достаточно поводов для того, чтобы пропаганда обладала обильным и неопровержимо уличительным материалом. Трудно перечислить даже в общих чертах тот огромный арсенал идей, которые шаг за шагом, капля по капле, углубляли социальную рознь, подрывали государственную власть, подтачивали духовные силы врагов и веру их в победу, разъединяли их союз, возбуждали против них нейтральные державы, наконец, поднимали падающее настроение своих собственных народов. Тем не менее, придавать исключительное значение этому моральному воздействию извне, как это делают теперь вожди немецкого народа в оправдание свое, ни в каком случае не следует: Германия потерпела поражение политическое, экономическое, военное и моральное. Только взаимодействие всех этих факторов предрешило фатальный для нее исход борьбы, обратившейся под конец в длительную агонию. Можно было лишь удивляться жизнеспособности немецкого народа, который в силу интеллектуальной мощи и устойчивости политического мышления, продержался так долго, пока, наконец, в ноябре

1918 года, «двойной смертельный удар как на фронте, так и в тылу» не сразил его. При этом история, несомненно, отметит большую аналогию в той роли, которую сыграли «революционные демократии» России и Германии в судьбах этих народов. Вождь немецких независимых социал-демократов, после разгрома, познакомил страну с той большой и систематической работой, которую они вели с начала 1918 года для разрушения немецкой армии и флота, во славу социальной революции. В этой работе поражает сходство приемов и методов с теми, которые практиковались в России.

Не будучи в силах бороться против пропаганды английской и французской, немцы с большим, однако, успехом применяли это средство, в отношении своего восточного противника, тем более что «Россия творила свое несчастье сама, – говорил Людендорф, – и работа, которую мы вели там, не была слишком трудным делом».

Результаты взаимодействия искусной немецкой руки и течений, возникавших не столько из факта революции, сколько из самобытной природы русского бунта, превзошли самые смелые ожидания немцев.

Работа велась в трех направлениях – в политическом, военном и социальном. В первом необходимо отметить совершенно ясно и определенно поставленную и последовательно проводимую немецким правительством идею расчленения России. Осуществление ее вылилось в провозглашение 5 ноября 1916 года, польского королевства с территорией, которая должна была распространяться в восточном направлении «как можно далее»; в создании «независимых», но находящихся в унии с Германией – Курляндии и Литвы; в разделе Белорусских губерний между Литвой и Польшей и, наконец, в длительной и весьма настойчивой подготовке отпадения Малороссии, осуществленного позднее, в 1918 году. Поскольку первые факты имели лишь принципиальное значение, касаясь земель, фактически оккупированных немцами, и предопределяя характер будущих «аннексий», постольку позиция, занятая центральными державами в отношении Малороссии, оказывала непосредственное влияние на устойчивость важнейшего нашего Юго-западного фронта, вызывая политические осложнения в крае и сепаратные стремления в армии. К этому вопросу я вернусь впоследствии.

В состав немецкой главной квартиры входило прекрасно организованное «бюро прессы», которое, помимо воздействия и направления отечественной печати, руководило и пропагандой, проникавшей преимущественно в Россию и Францию. Милюков приводит циркуляр германского министерства иностранных дел всем представителям его в нейтральных странах: «Доводится до вашего сведения, что на территории страны, в которой вы аккредитованы, основаны специальные конторы для

организации пропаганды в государствах, воюющих с германской коалицией. Пропаганда коснется возбуждения социального движения и связанных с последним забастовок, революционных вспышек, сепаратизма составных частей государства и гражданской войны, а также агитации в пользу разоружения и прекращения кровавой бойни. Предлагаем вам оказывать всемерное покровительство и содействие руководителям означенных пропагандистских контор».

Любопытно, что летом 1917 года английская печать ополчилась на посла Бьюкенена и свое министерство пропаганды за полную инертность их в деле воздействия на русскую демократию и в отношении борьбы против немецкой пропаганды в России. Одна из газет указывала, что английское бюро русской пропаганды возглавляется романистом и начинающими писателями, которые «о России имеют такое же понятие, как о китайских метафизиках».

У нас ни в правительственном аппарате, ни в Ставке не было совершенно органа, хоть до некоторой степени напоминающего могучие западноевропейские учреждения пропаганды. Одно из отделений генерал-квартирмейстерской части ведало техническими вопросами сношения с печатью и не имело ни значения, ни влияния, ни каких-либо активных задач. Русская армия – плохо ли, хорошо ли – воевала первобытными способами, не прибегая никогда к так широко практиковавшемуся на Западе «отравлению души» противника. И платила за это лишними потоками крови. Но если относительно моральной стороны разрушительной пропаганды существует два мнения, то нельзя не отметить нашей полной инертности и бездеятельности в другой, совершенно чистой области. Мы не делали решительно ничего, чтобы познакомить зарубежное общественное мнение с той исключительной по значению ролью, которую играла Россия и русская армия в мировой войне; с теми огромными потерями и жертвами, которые приносит русский народ, с теми постоянными и, быть может, непонятными холодному рассудку наших западных друзей и врагов величественными актами самопожертвования, которые проявляла русская армия каждый раз, когда фронт союзников был на волоске от поражения... Такое непонимание роли России я встречал почти повсюду в широких общественных кругах, даже долгое время спустя после заключения мира, скитаясь по Европе. Карикатурным, но весьма характерным показателем его, служит мелкий эпизод: на знамени – хоругви, поднесенной маршалу Фошу «от американских друзей», где изображены флаги всех государств, мелких земель и колоний, так или иначе входивших в орбиту Антанты в великую войну, флаг России поставлен на... 46-ое место после Гаити, Уругвая и непосредственно за Сан-Марино...

Невежество или пошлость?

Мы не сделали ничего, чтобы заложить прочный нравственный фундамент национального единства за время оккупации Галиции, не привлекли к себе общественного мнения занятой русскими войсками Румынии, не предприняли ничего, чтобы удержать от предательства славянских интересов болгарский народ, наконец, не использовали вовсе пребывание на русской территории огромной массы пленных для того хотя бы, чтобы дать им правильное представление о России.

Императорская Ставка, наглухо замкнувшаяся в сфере чисто военных вопросов ведения кампании, не делала никаких попыток, чтобы приобрести влияние на общий ход политических событий, что совершенно соответствует идее служебного существования народной армии. Но вместе с тем, Ставка решительно уклонилась от воздействия на общественное настроение страны, чтобы привлечь этот могущественный фактор к моральному содействию в борьбе. Не было никакой связи с большой печатью, которая представлена была в Ставке лицами, не имевшими ни влияния, ни значения.

Когда грянула революция, и политический вихрь захватил и закружил армию, Ставка не могла долее оставаться инертной. Надо было откликнуться. Тем более что в России вдруг не оказалось вовсе источника моральной силы, охраняющего армию: правительство, в особенности военное министерство, шло неудержимо по пути оппортунизма; Совет и социалистическая печать разрушали армию; буржуазная печать то взывала к консулам «чтобы империя не потерпела ущерба», то наивно радовалась «демократизации и раскрепощению»... Даже в компетентных, казалось бы, кругах петроградской высшей военной бюрократии шел полный разброд мысли, ставивший в недоумение и растерянность общественное мнение страны.

Оказалось, однако, что в Ставке для борьбы нет ни аппарата, ни людей, ни техники, ни знания и опыта. А главное, что Ставка оказалась как-то оттертой, отброшенной в сторону бешено мчавшейся колесницы жизни. Голос ее ослабел и затих.

2-му генерал-квартирмейстеру, генералу Маркову предстояла большая работа создать аппарат, установить связь с крупной прессой, дать «рупор» Ставке и поднять, влачившую жалкое существование армейскую печать, на которую уже посягали войсковые организации. Марков горячо взялся за это дело, но в течение менее чем двух месяцев своего пребывания в должности, ничего серьезного сделать не успел. Всякое начинание Ставки в этом направлении подвергалось со стороны революционной демократии злостному обвинению в контрреволюционности. А либерально-буржуазная

Москва, к которой он обратился за содействием в смысле интеллектуальной и технической помощи делу, ответила широковещательными обещаниями и абсолютно ничего не сделала.

Таким образом, у Ставки не было никаких средств, не только для ведения активной борьбы против разложения армии, но и для противодействия немецкой пропаганде, все более и более разраставшейся.